

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА.

Письма къ Ѳ. А. Кони.

1.

А. Ѳ. Вельтмана*).

Ноября 1, 1852. Москва.

Извините, любезный Ѳедоръ Алексѣевичъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше отъ 22 Сентября, которое мнѣ доставилъ г. Перець. Отъ него узналъ я, что вы и Ирина Семеновна посреди заботъ и трудовъ житейскихъ, семейныхъ и литературныхъ, здоровы и веселы, что журналъ вашъ идетъ успѣшно, и это все меня порадовало.

Вы мнѣ пишете, что покойный Михаилъ Николаевичъ Заго-скинъ обѣщалъ вамъ свою автобиографію, написанную имъ для Вальтеръ-Скотта. Нѣсколько разъ заѣзжалъ я къ его сыну, но не заста-валъ дома, и потому ничего еще не могу сказать вамъ, есть она въ черновыхъ бумагахъ покойнаго или нѣтъ. Она бы и мнѣ была не-обходима для соображеній при составленіи біографіи и разбора сочи-неній Михаила Николаевича, о чемъ относилось ко мнѣ Второе Отдѣ-леніе Императорской Академіи Наукъ. и за что однакожь въ настоящее время не могу приняться, потому что занятъ составленіемъ текста къ изданію Древностей Россійскаго Государства. Это сложное занятіе, не говоря ужъ о завѣдываніи всѣмъ изданіемъ Древностей Р. Г. и ходомъ его и о заботахъ по должности, занимаетъ все мое время. Собственно о литературной своей охотѣ мнѣ и подумать некогда. Давно окончен-ный на черно „Чудодѣй“ лежитъ безъ отдѣлки и врядъ ли скоро до-ждется чести явиться въ свѣтъ, не смотря на то, что самолюбіе мое

*) См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1911 года XII, 534.

должно бы было быть затронуто похвальнымъ словомъ Отечеств. Зап., что я не съумѣю свести всѣ концы своего романа; а на это Русская пословица: концы въ воду! Я думаю, что, по этому удобству, у насъ такъ и много водяныхъ произведеній.

Назначенный вами фотографъ нѣсколько разъ снималъ съ меня обликъ; да кажется, все неудачно. Кланяюсь усердно Иринѣ Семеновнѣ и желаю вамъ обоимъ мирной любви и во всемъ преуспѣянія. Остаюсь душевно вамъ преданный А. Вельтманъ.

P. S. Сколько разъ ни напоминалъ въ конторѣ Ратькова, чтобъ взяли для вашей конторы экземпляръ Описанія дворца; но они не позаботились объ этомъ.

2.

Карла Францовича Рулье.

17 Марта 1848 г.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Послѣ вашего отъѣзда изъ Москвы намъ не приходилось молвить слова: было не о чемъ. Теперешній случай ясенъ самъ по себѣ и не допускаетъ многихъ словъ.

Мы теперь передъ гробомъ П. С. Мочалова, нашего Мочалова: и этого довольно, чтобы оправдать передъ вами мою просьбу.

Вчера 16 Марта, въ 9 часовъ утра, по приѣздѣ изъ Воронежа, скончался тотъ, кто дарилъ насъ минутами неописуемаго счастья: Горестную вѣсть принесъ служащій въ театрѣ намъ, навѣстившимъ больного Ленскаго. Тутъ у него вылилось экспромтомъ прилагаемое стихотвореніе, которое предлагаю вамъ для употребленія по вашему усмотрѣнію; можетъ быть, годно оно будетъ и для Пантеона.

Вспомнимъ что такъ часто онъ намъ говорилъ въ Гамлетѣ: „Человѣкъ онъ былъ“, а онъ былъ человѣкъ и съ достоинствами и со слабостями его. Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ слуга Карлъ Рулье.

Сейчасъ лишь я узналъ о горестной потерѣ...
 Не плачьте... жизнь ему другая настаегъ—
 И будьте въ полной вѣрѣ,
 Онъ для потомства не умретъ.
 Невидимо рукою Мельпомены
 Ему уже стяженъ безсмертія вѣнецъ...
 Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце Русской сцены,

Какъ мощный двигатель сердець!..
 Не плачьте, говорю; вы будете не правы,
 Всѣ нашей участи завидовать должны.
 На насъ отражены
 Лучи его блестящей славы!..
 Какой прекрасный новый міръ
 Теперь душа его встрѣчаетъ!
 Онъ въ небесахъ—и самъ Шекспиръ
 Пришельца новаго, какъ сына обнимаетъ!..
 Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!...
 А я, измученный, больной,
 Предъ памятью его во прахѣ преклоняюсь
 И тщетно скорбною душой
 Послѣднее прости сказать ему стараюсь!

Р. С. Ежели Москва была несправедлива къ Мочалову, то, по крайней мѣрѣ, послѣдовательна въ поступкахъ и будетъ несправедлива до нельзя. Мы собираемъ ему скромный памятникъ. Сочувствій тьма. Что?

3.

Николая Васильевича Беклемишева.

Мочалова не стало! Исчезъ дорогой перль, выпалъ самоцвѣтный камень изъ вѣнца драматическаго... Много лѣтъ протечетъ и все дорогой перль—драгоценный камень никѣмъ не будетъ замѣненъ. Много у насъ есть на Руси хорошихъ актеровъ, но хотъ одинъ изъ нихъ замѣнить ли намъ Мочалова? Конечно нѣтъ... Многіе изъ нихъ увлекутъ насъ своимъ талантомъ, но ни одинъ изъ нихъ не вызоветъ у насъ сочувствія; нѣкоторые изъ нихъ даже удивятъ насъ своимъ искусствомъ, но не одинъ изъ нихъ не поразитъ насъ своимъ творчествомъ: искусство доступно многимъ, а творчество однимъ избранникамъ Неба, а много ли такихъ избранниковъ, какъ былъ Мочаловъ? И, глядя на вѣнецъ, невольно вздохъ будетъ вырваться изъ груди, что тамъ, гдѣ нѣкогда блестялъ драгоценный бриллиантъ, тамъ все видѣется одна пустота—да, одна пустота... Сколько каждый день рождается людей на свѣтъ, ужели Провидѣніе не отмѣтило своимъ Божественнымъ перстомъ ни одного еще изъ новорожденныхъ и, отмѣчая, не рекло: да будетъ другой Мочаловъ! Великій Боже! Сколько грустныхъ раздумій наводитъ на душу эта мысль.

Многіе любили Мочалова, многіе достойно понимали и цѣнили его, и потому многіе будутъ довольны, если вы, Федоръ Алексѣевичъ, напечатаете его предсмертное письмо въ вашемъ Пантеонѣ; я говорю предсмертное потому, что Мочаловъ умеръ не 16-го Марта 1848 г., а тогда, когда оставилъ сцену, а оставилъ онъ ее въ Январѣ 1847 года. Письмо имъ писано ко мнѣ 29-го Января, въ среду на Масляницѣ, а наканунѣ онъ игралъ въ послѣдній разъ въ утреннемъ спектаклѣ на Маломъ Театрѣ, Морица въ драмѣ „Клара д'Обервиль“. Очевидцы говорили мнѣ, что Мочаловъ въ этомъ спектаклѣ былъ

вдохновенно прекрасенъ, что зрители были удивлены, поражены совокупностью его игры, что онъ съ начала до конца выдержалъ свою роль такъ, какъ никогда не выдерживалъ. Теперь только тайна разгадалась—геній Мочалова пѣлъ свою лебединую пѣснь.

Всѣ лоскутки покойнаго Мочалова находятся у меня. Вамъ хорошо извѣстны мои дружескія отношенія съ покойнымъ; я имѣлъ случай изучить его и теперь пишу біографію Мочалова, не только какъ актера, но и человѣка. Надѣюсь, дадите мѣстечко въ вашемъ Пантеонѣ для помѣщенія моей статьи. Теперь дайте мнѣ совѣтъ: говоря о Мочаловѣ, я долженъ буду невольно коснуться близкихъ ему людей, которые имѣли ошутительное вліяніе на образъ его жизни. Конечно, эти люди, лежа съ тѣнью около покойника, рельефно отбѣиваютъ геній художника Мочалова, но... да вѣдь вы поняли меня.

Николай Беклемишевъ.

Р. S. Ежели вы напечатаете письмо Мочалова въ вашемъ Пантеонѣ, то я желалъ бы, что бы и мое письмо къ вамъ было напечатано, какъ *pendant* къ его письму. Письмо это вамъ было написано въ Маѣ мѣсяцѣ, но не послано потому, что простуда, яростью пылая,

Въ меня впила словно шеголь,
И я сто двадцать дней страдал,
Не покидалъ свою постель...

Письма П. С. Мочалова къ Н. В. Беклемишеву.

1.

Утро 23 Января 1847 г.

Любезный другъ Николай Васильевичъ!

Слава Богу! Опять держу въ рукѣ перо; живъ, здоровъ, молодѣю, не смотря на то, что злое зеркало мнѣ говоритъ противное; да оно и не ошибается,—оно говоритъ о лицѣ; а я о душѣ, о той знакомой тебѣ душѣ. которая не можетъ дрыхлѣть вмѣстѣ съ тлѣннымъ моимъ составомъ.

Мой другъ! и это не она,
Не та, которая судьбою—
Была бъ мнѣ спутницей дана!
Опять обмануть я мечтою!
Опять я на моемъ пути,
Опять остался сиротою;
И вѣрно мнѣ ужъ не найти
Подруги съ пламенной душою!

Можетъ быть, другъ Николая, еще допишу эти стишки. Ты представь себѣ, отъ чего родилась мысль не терять даромъ моего ранняго утра—эта мысль родилась отъ сумасшедшаго намѣренія признать товарищемъ себѣ явившуюся на сцену дѣвицу П. Да! Я увидѣлъ молодость, говорилъ съ ней,

видѣль умъ,—но все затмилъ проклятый холодъ души. Ну! Такъ это точно не она! Я, мой другъ, все виноватъ и всегда правъ въ глазахъ людей, которые меня знаютъ, какъ ты! А много ли такихъ?.. И одного довольно!!!

2.

Утро 29 Генваря. Середя Сырныхъ недѣли.

Вчера, мой другъ, пропалъ день, ибо игралъ я въ утреннемъ спектаклѣ въ Маломъ театрѣ въ драмѣ Клара д'Обервиль. Почему говорю: пропалъ? Потому, что не похожъ былъ на обыкновенный день. Разумѣется, изъ театра приѣхалъ домой, усталый въ 40 минутъ 4-го часа. Въ такое позднее время я не привыкъ обѣдать, да прежде чѣмъ обѣдать надо было отдохнуть. Трубка, племянникъ, который смотрѣлъ на Жоржа изъ оркестра, да наслѣдница моя—все это помогло мнѣ отдохнуть. На вопросъ мой о трапезѣ отвѣчаютъ: у насъ блины, зернистая икра, семга и т. д. Послѣ обѣда спалъ больше 3 часовъ, около полуночи уснулъ опять, а въ 4 часа уже сидѣлъ за самоваромъ. Теперь бьетъ шесть. Прости, добрый мой, Н. В., что пишу все, все, что подъ руку попало, или, какъ говорится—что на умъ взбрело: знаю, что простишь, что тебѣ приятно читать мои строки, изъ которыхъ видно душевное желаніе: хоть заочно съ тобой побесѣдовать. Не могу не сказать: ты видѣль меня въ Кларѣ; но что бы ты увидѣлъ вчера! Ты меня знаешь, знаешь, что я люблю правду и такъ—смѣло говорю, что я былъ безъ сравненія хорошъ. Нынѣ я, по назначенному репертуару, не играю, и завтра—тоже. Если Божіею милостью всѣ будемъ здоровы, то вотъ что остается сыграть: утромъ въ Пятницу на большомъ театрѣ: „Скопинъ-Шуйскій“, вечеромъ въ Субботу на большомъ театрѣ „Гамлетъ“, утромъ на маломъ театрѣ въ Воскресенье „Коварство и Любовь“.

Теперь скажу тебѣ нѣсколько словъ объ общемъ нашемъ знакомомъ Самаринѣ или, вѣрнѣе сказать, разговоръ его со мною. „Вы думаете, Павелъ Степановичъ, что я въ полгода жительства моего въ Петербургѣ мало игралъ, такъ и скучалъ безъ дѣла? Нѣтъ, я не скучалъ, а работалъ работу великую. Все что только можно прочесть о Гамлетѣ, все я прочелъ и, кажется, уже готовъ совершить подвигъ, т. е. сыграть; затрудняюсь, думая, о пятомъ дѣйствіи, а всего досаднѣе то, что не нахожу никакихъ средствъ прекрасныхъ, великія мѣста этой роли исполнить непохоже на ваше исполненіе; однимъ словомъ, мнѣ бы не хотѣлось быть подражателемъ; подражатель: какъ всякая копія, и дѣвится всегда, какъ копія, а не какъ оригиналъ“... Вотъ почему онъ не рѣшался.

Конечно, я согласенъ, можно быть оригиналомъ, да не въ подобномъ подвигѣ. Мое мнѣніе:—Гамлета играть... Что тебѣ сказать? Рѣшиться трудновато! Конечно, одѣться актеру въ траурный костюмъ Гамлета и прочесть, а коли сумѣется, такъ и проговорить, можно, а достаточно ли этого для того, чтобы зритель-человѣкъ, выходя изъ театра, сказалъ: Да! точно! Я видѣлъ Гамлета.

Тебя любящій и тобою любимый Мочаловъ.